

Андрей ШЕНДАКОВ

Шендаков Андрей Игоревич родился в 1978 году в городе Болхове Орловской области. Автор нескольких сборников стихотворений. Произведения публиковались в коллективных сборниках, в ведущих российских литературных журналах и газетах. Лауреат и дипломант ряда всероссийских и международных литературных конкурсов. Член Союза писателей России. Поэт. Живёт в Орле.

«ЗВЕЗДА ГОРИТ В МОЁМ ОКНЕ...» (подборка новых лирических стихотворений)

*Пустынный свет на звездных берегах...
Н. Рубцов*

Зимы начало – первым мокрым снегом
Дворы и склоны вновь заметены,
И, словно нить надорванной струны,
Река поёт под судьбоносным бременем,
Где каждый шаг и каждая тропа
Своей живой историей овиты.
Такие здесь с холмов бывают виды,
Что, стоя возле старого столба,
Я вижу: в поле движется орда –
Темна, черна, люта, неисчислима,
А сквозь крыла взметнувшегося дыма
Горит звезда – светла и молода.
На брёвнах – кровь, в снегу кипит смола,
Влетают стрелы в башни городские,
Сквозь лязг взмывають возгласы людские.
О предки! Вам великая хвала
За то, что, еле выстояв в бою,
Из пепла трижды стены возводили,
Ведь было так: смерть в ратной битве или –
Смерть в лютом рабстве, не в своём краю.

А ныне – снег летит с небес, светясь.
За храмом – храм, почти на каждом склоне.
Проступит лик средь стен иль на колонне,
Веков ушедших укрепляя связь, –

Порхают в небе ангелы, служа.
Бесповоротны огненные круги:
В который раз в молитве иль в недуге,
Терзаясь, рвётся к Господу душа –
И вновь встречает окрылённый свет,
Застывший вдруг на миг среди строений,
Где слышен гул церковных песнопений
И где всему на всё один ответ.
Россия, Русь, мой выживший народ,
Храни себя! Уже нельзя иначе.
И не проси свершений иль удачи.
Известно всё, пожалуй, наперёд.
Всё повторится в пятый, в сотый раз:
Война и свет, спасенья и потери,
В десятый раз народ вернётся к вере.
Порхает снег – и молится о нас!

Дома в снегу. Молитвенно и тихо.
Лишь голоса взъерошенных синиц,
А под окном вчерашняя шутиха¹ –
Петарда чья-то – не пугает птиц.

Нет ни машин, ни чьих-то разговоров,
Легко, спокойно, словно нет беды.
Вдоль городских окраинных заборов
Едва заметны странные следы –

¹ старое название фейерверка, ракеты или петарды.

Собачьи или, может, даже лисьи.
Так город пуст, что от небесной мглы
Уходят прочь надорванные мысли:
Они, как будто варезжки, малы.

Взрослеет день, возвращаются просторы,
Тревожно робок наступивший год.
А позади – сомнения и споры.
И впереди – лишь мгlistый небосвод.

* * *

*А влажный снег ложится у ворот,
Где есть зола и тёплый запах дыма...
И. Семёнова*

...Мой старый дом, о, как же дорог вновь
мне робкий миг февральского заката:
с печи кот Васька смотрит воровато,
капли вторят стёклам си-бемоль –
и греют душу стуком, второпях,
их звук летит легко и монотонно,
а под окном скопилась снега тонна
иль, может, две: в воспетых мной краях
бывает снега больше во сто раз,
но в зиму эту – ни одной метели,
неторопливы даже свиристели;
пора уже, наверно, ставить квас
и лук растить в стакане на окне,
рассаду сеять, потеснив герани,
и созерцать небес живые грани,
и слушать треск жучков в сырой стене,
тетрадный лист сминая в плотный шар
и расправляя, чтоб прочесть две строчки,
но, может быть, пора поставить точки
иль бросить всё в печной остывший жар?

Скребётся мышь в чулане, с чердака
слетает шорох, словно чьи-то тени
заходят вдруг в застуженные сени
и вновь приносят весть издалека:
пиши иль пой – о запахе золы,
о смолянистом свете на иконе,
о том, что фото в стареньком кулоне
хранит комод; что хлипкие полы
полны следов невидимых, родных,
следов, пришедших из иного мира,
из воскового тонкого эфира
свечи, вспорхнувшей, как рассветный стих.

И снова струн гитарных серебро
звучит, как эхо, долго, бархатисто –
и, просыпаясь, по стеклу пречисто
на запад тянут месяца ребро
лучи живые... Шар моей Земли,
ты вновь летишь туда, где братьев стая;
свои пути небесные верстая,
навек нас в свете горнем посели!

* * *

Слегка успокоился ветер.
Окраина тонет в снегах.
Вокруг удивительно светел
Искрящийся солнечный прах.

Уже вечереет... Покорен
Холмов затихающих ряд,
Где блики среди колоколен
На скользких тропинках горят.

Что сгнуло?.. Что отболело?
Ничто навсегда не ушло.
В огне золотого придела
Мерцает ночное тепло,

Сквозь окна миры прожигая,
Светясь, предвещаая, верша...
А рядом – небесная стая,
К которой взмывает душа.

* * *

Когда рождается душа?
В момент зачатия иль смерти?..
Куда она летит, верша
Свои невидимые тверди?

Куда, как свет, несёт она
Свои крыла самозабвенно?
Каким огнём окрылена?
Легка, чиста, благословенна...

Не осознать её исход –
И путь по кругу роковому:
Душа, как луч, летит вперёд –
Назад, к потерянному дому,

Чтоб где-то, в дымке вечеров,
Дыша старинным тёплым воском,

Стать дальним эхом для миров –
И чьим-то долгим отголоском.

* * *

И зверьё, как братьев наших меньших...

С. Есенин

Следы собак и кошек на снегу
ведут с рассветом к городскому рынку,
а в небе низком бронзовую льдинку
февраль зажал и, изогнув в дугу,
ещё один её оставил след,
подобный старой, стёршейся подкове;
о, рыхлый снег – и капли чьей-то крови,
и распылённый, чуть заметный свет;
ни бубенца, ни храпов лошадей,
лишь шум колёс – то тихий и далёкий,
то, словно эхо, злой и многобокий –
со всех сторон, привычный звукам дней:
и хрусту льдин, и завыванью крон,
и перекличке двух ворон на крыше,
и первым гулам у церковной ниши –
колоколов над фустами колонн;
день, просыпаясь, бьёт в лицо дымком,
точнее – смогом, копотью и гарью,
лишь на холме, за мокроватой далью
отчётлив вид, знаком высотный дом,

а дальше – поле, рощи, берега,
косые склоны, сосны, вербы, ивы,
совсем другие песни и мотивы,
там, где светлее мысли и снега
немного ярче, – от лучей ли, звёзд,
от лунных бликов и живых рассветов;
там, где без чувств не может быть куплетов,
а в каждой ели – сойка или клёст,
которых я кормил в былой мороз,
скворечни с дедом враз сооружая,
ведь птица ль, кошка – людям не чужая,
да и собака любит ткнуть свой нос
в ладонь, чтоб, может, капельку тепла
почуять в коже или, вздрогнув, даже
родной уют узнать сквозь привкус сажи –
и дальний запах русского села;
село и город, а меж ними – даль,
над ними – высь, плетущая узоры.
И в стайке пташек вспыхивают ссоры,
и у собак случается печаль.

* * *
Неизменно предвечны они...

А. Блок

Лунный сполох. Морозно и глухо.
В серо-бежевых далях болот –
Лишь обрывки нездешнего звука
И шаги окрылённых высот.

Даль – и небо: закаты, рассветы.
Запах леса – глубинный, такой,
Что привидится: стылые ветры,
Словно духи, пьют воздух грибной.

И кора, и труха... У дороги
Терпких брёвен лучиста смола:
То ли вздрогнут старинные дроги,
То ли, вспомнив остатки тепла,

Кто-то выйдет из дома... Уныло
Свет теряется в кронах ракии.
Лишь незримая высшая сила
Всё земное, как прежде, творит.

* * *

...И вновь с холмов бежит вода,
ручьи тревожны, яркие, броски,
небес волнистые полосы
хранит вечерняя звезда;
и то ли ветры, то ли сны
несут свои круговороты,
шаги и отзвуки природы
легки в преддверии весны;
то крикнет грач, то вспыхнет луч
далёких фар над косогором,
то хрустнет чья-то тень укором,
а голос – плавлен и тягуч;
у водокачки свой мотив,
её вода из труб старинно,
спокойно, пристально, былинно
течёт, свой берег огласив,
там, где клокочет Ключетня²,
приток Оки питая влагой,
и в ночь глядит глухой дворнягой
луна в седых остатках дня:

² старинное название одного из притоков р. Нугрь в г. Болхове Орловской области (в современном звучании – Ключетня, место, где много ключей, т.е. родников).

миры спешат к своим мирам –
к воде, ручьям, далёким рекам –
и, отзываясь в сердце эхом,
блуждают сонно по дворам;
так светят звёзды, меря путь,
так бьют часы под острым шпилем,
и кот крадётся, страх осилив,
смотрясь, как тень, в ночную ртуть
февральских луж, стволов берёз,
почти немых оконных стёкол,
а вдалеке – опять «заокал»
мотор – глубок, многоголос
через минуту: слякоть, снег,
почти бескрайняя трясины,
холмы, посадки, рвы, равнина,
во мгле идущий человек;
в искристый полог храм одет:
лучом омыв святые лики,
его воды живые блики
бросают свой небесный свет...

АПРЕЛЬСКИЙ СВЕТ

Раннее утро. Блестят провода,
Прячась в косматые ели.
Лишь загорится речная вода –
Вздогнет громом еле-еле

И полетит над рассветным двором,
Звук разделив на полосы:
Робко соседка стукнет ведром
О потемневшие доски.

Выйдет к порогу. Гудит синева,
Как на плече коромысло:
Стылую даль отражает трава,
Небо сияет пречисто.

Ветер – не ветер, гроза – не гроза.
Словно на тёплой кудели,
Ярко цветёт молодая лоза.
Радостно в чистом апреле.

* * *

Мой старый дворик мною не забыт:
из-под снежка в сияющем апреле
живые токи тянет еле-еле
листок крапивный, дополняя вид

открытых ульев; кружится пчела,
ведя свою привычную разведку,
а я беру надломленную ветку,
ловя наплыв весеннего тепла,
и вырезаю что-то; так светло,
что видно всё вокруг на километры
с холмов, где глину высушили ветры
и подступило к городу село;
сплелись тропинки, вскрылись берега,
где пара льдин в низину заглянула,
а в небесах, в глухих раскатах гула
луна уже бледна, почти нага –
без облаков, которые её
морозный лик укутывали в шали
и миру снова холод предвещали, –
в саду крылами хлопает бельё,
взлететь пытаюсь; тишину скворцы
взрывают вдруг среди ветвей, пелёнок;
мир, как стекло, хрустально чист и тонок,
весенний звон спешит во все концы:
кто строит дом, кто чинит свой чердак,
а кто в лесу орудует пилою, –
опилок терпких запах над рекою
парит – не может улететь никак;
и дух осины возле верстака,
и дух лежалой дедовской махорки
лучи пронзают, выйдя на пригорки,
и греют псу соседскому бока,
а он лежит и даже не рычит
ни на меня, ни на других прохожих:
такой денёк восторженно погожий,
что грех за ними бегать средь раakit;
а между тем: на мир взглянув с крыльца,
я отметаю отголоски лени,
ведь всё – лишь миг, а мы – лишь чьи-то тени,
лишь чей-то прах, лишь звёздная пыльца...

* * *

И с погребком, и с низенькой избой...

И. Семёнова

Пейзаж моей родной земли таков,
что кто-то скажет: прост и непригляден, –
на старых соснах всплеск теней и пятен
лучей рассветных, пристани дворов;
их много, словно целый океан
остатки снега смешивает с глиной;
даль наплывает к солнцу дымкой длинной
среди мансард, заборов и веранд,

среди раakit, качающих с утра
свои стволы, – от света бирюзовы;
и тишину, и, может, даже зовы
далёких предков слышу со двора;
вишнёвый сад спокоен и высок,
ручьи с холма бегут по всей дороге,
поля за лесом вдоль реки отлоги;
и монастырь, где наледи осок
блестят вокруг, и в поле купола –
ответ времён на зло и окаянство,
а дальше – свет, бескрайнее пространство:
душа сама в себе тогда мала,
когда нет веры, истины, любви,
надежды, боли, родины, опоры;
враги всегда на утешенья скоры –
и на расправу, что ни говори;
теперь – иное, верю, что не так,
как деды наши вынесли, страдая:
земли вода – живая, молодая,
впитав огонь и возгласы атак,
вдыхает жизнь в весенние ростки,
снег пробивают смелые травинки;
моя душа летит туда, где льдинки
несёт поток сияющей реки,
и, напившись, свет приходит – в свет,
в мой отчий дом, в родные перелески, –
в два раза ярче вдруг сияют фрески
в крестильном храме... Это мой ответ:
есть всё – любовь, и вера, и покой,
пока стоят мои холмы родные –
и высоки рассветы полевые,
и златоглавы храмы над рекой!

* * *

Звезда горит в моём окне
Сквозь полог утреннего света
И тонет вновь за далью, где-то
В рассветной тихой глубине;

Сквозь полевую чистоту
Плывут неведомые дали,
А в сердце капельки печали
Лучей встречают остроту –

И, отступивший стылый мрак
Своим сияньем прожигая,
Звезда является – другая,
И остаётся только прах,

Небесный прах – далёкий свет;
Пылай, волнистое круженье!
В твоё, в твоё перерожденье,
В твоё сиянье мир одет.

* * *

Издержки времени неся...
В. Ермаков

Стволы осин ещё туги и голы,
едва качает ветер кроны их,
весь мир, как будто двоечник, притих,
шагнув к пустынным окнам старой школы:
в них – тишина, лишь выйдет иногда
к порогу сторож, чтобы сиротливо
курнуть – воронам и котам на диво, –
еще не стар, а борода седа;
вновь над скамейкой пляшет береста
и горьковато-сладкий привкус дыма
плывёт во дворик еле уловимо –
такая нынче выдалась весна:
ни погулять, ни с другом отдохнуть,
ни заглянуть в фойе кинотеатра,
весна сменила легкокрылость кадра
на скуку дней, иной отмерив путь,
путь напряжённый, долгий, не такой,
каким он многим виделся в начале:
«Мир пошумит и, растворив печали,
все беды снимет быстро, как рукой...»

Но нет, весна сегодня не для нас,
листва и мы – во власти небосвода,
законам дань вновь воздаёт Природа,
не торопясь ведя свой пересказ
о днях былых: чума иль тиф брюшной –
на Землю много насылалось мора,
но каждый раз надежда, иль опора,
иль, может быть, какой-то свет иной
спасал землян – и грешных, и святых,
и тех, кто даже жалок и преступен;
к спасенью путь тогда не слишком труден,
когда начал великих и незлых
познаешь суть и, к миру обратив
лицо и душу, воспарил отныне
среди глупцов, прочь от своей гордыни,
сквозь облака, несущие мотив,
мотив Творца – единственный, один;
пойми, о друг, своё предназначенье!

А я ловлю вечерних звёзд круженье
и слышу гул, весенний гул осин...

* * *

В Орле цвели рябины и каштаны,
День уходящий чем-то вроде сна
Мне виделся: строительные краны
Вдали скрывала неба пелена.

Мир разрастался, распускал бутоны,
Весь мир ушёл – в сужденья, в пустяки:
Взлетали звезды – яркие, многотонны,
А между тем – божественно легки.

День уносил в ручьях остатки пыли,
Струился дождь – сквозь звёзды, вдалеке,
А мы не шли, мы всё куда-то плыли,
Как будто лодки по ночной Оке.

ЛИВЕНЬ

Капли, срываясь
к раскидистым кронам сирени,
падают гулко
с кленовой широкой листвы;
рядом проходят,
ложатся древесные тени
в зарево мокрой,
прохладной июльской травы;

горлица где-то
заводит привычно беседу,
я вспоминаю
из детства две пары минут:
дед во дворе,
закурив, что-то бросил соседу,
запах осин
набежал на искрящийся пруд;

годы мелькают,
но годы, как птицы, витая,
всё повторяют –
рождённым, пришедшим, иным.

снова Вселенную
светом любви обретая,
снова вселяя
надежды в крыла молодым;

я же всё чаще,
о прошлом своём вспоминая,
предполагаю:
былое – ещё впереди;
где-то за полем
теряются отзвуки лая,
в пологе ливня
легко, словно в детстве, идти.

Ливень нахлынувший
ярок, глубок и безбрежен,
топок и гулок,
как сердце размокшей земли;
тропка усыпана
горстками диких черешен,
тропка, которая
завтра вся будет в пыли...

* * *

Течёт река – спокойна и легка.
Ручьи в оврагах снова полноводны,
И, словно нити серебристой волны,
Сплелись в косицы в поле облака.

И солнце катит сонно, не спеша
Свой диск, как будто колесо на пряже.
Уходят прочь сомнения и страхи.
И ждёт чего-то нового душа.

Весна сменяет буйство на покой.
Дышать и жить – простое наслажденье.
А я пишу своё стихотворенье
И в сотый раз склоняюсь над строкой.

Что суждено?.. Предвидеть не дано,
А впрочем: мир, своим творцам не веря,
Извечно тянет, словно волну, время.
Но в небес – своё веретено!

